

Анатолий Кириллович Воскресенский,
к.филос.н.,
ст. науч. сотр. Отдела научно-библиографической информации
Фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН,
spbclubmos@gmail.com

**ИНФОРМАЦИЯ И БИБЛИОТЕКА:
МЕТОДОЛОГИЯ БИБЛИОГРАФИИ
И БИБЛИОТЕЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ**

Доклад на 16-м заседании семинара
«Методологические проблемы наук об информации»
(Москва, РГГУ, 31 марта 2014 г.)

Сферы библиографии и библиотечного дела в ходе естественного развития своей проблематики и теоретических подходов вышли на использование информационного подхода и понятия «информация». Пройдя этап теоретического анализа понятий «книга» и «документ», изучения процессов чтения, взаимодействия автора и читателя, в последние десятилетия теоретические исследования в сфере библиографии и библиотечного дела основываются на применении информационного подхода в парадигме социальной коммуникации.

Ключевые слова: информация, библиотеки, библиография, документ, книга, чтение, социальные коммуникации.

1. Понятие «информация»: философские аспекты

В настоящее время информация и ее свойства являются объектом исследования целого ряда научных дисциплин. Среди них:

- *теория информации* (математическая теория связи);

- *кибернетика* (наука об управлении в биологических, технических и социальных системах);
- *семиотика* (наука о знаках и знаковых системах);
- *теория массовой коммуникации* (исследование средств массовой информации и их влияния на общество);
- *информатика* (изучение процессов сбора, преобразования, хранения, поиска и передачи всех видов информации и средств их автоматизированной обработки);
- *соционика* (теория информационного метаболизма в индивидуальной и социальной психике).

Понятие «информация» впервые было введено в науку в 1928 г. американским ученым Р. Хартли «для обозначения меры количественного измерения сведений, распространяемых по техническим каналам связи» (цит. по 2, с. 5). Сегодня это понятие употребляется в самых различных значениях:

- сообщение, сведение о чем-либо, передаваемое людьми (на обыденном уровне);
- используемая для управления сторона отражения, упорядоченное изменение, мера организованности системы (в кибернетике);
- передача, отражение разнообразия в любых объектах (на общенаучном уровне) и др.

При этом однозначного определения понятия «информация» до сих пор не выработано. Некоторые утверждают, что дать такое определение в принципе невозможно.

В философских дискуссиях по вопросу природы информации сложились по крайней мере три подхода. Согласно первому из них, информация трактуется как сфера общения и средство общенаучной рефлексии, т.е. как свойство человека и его социальных связей (*антропно-коммуникативный подход*). Во-вторых, информация понимается как свойство самоорганизующихся биологических и социальных систем,

связанное с упорядочиванием взаимодействий (*функциональный подход*). Функционалисты полагают, что информационный обмен выступает главным свойством подобных систем и способствует их открытости и нелинейному развитию. В-третьих, информация предстает как мера неоднородности распределения материи и энергии, т.е. как свойство всех материальных систем, в том числе и неорганических (*атрибутивный подход*).

Значение (смысл) информации выявляется, когда она помещается в определенный контекст. Слово на иностранном языке несет информацию, но не имеет смысла (значения), если мы не знаем этого языка. Следует отличать информацию от данных и знания, хотя эти понятия часто отождествляются.

Понятие «данные» отражает совокупность не связанных между собой фактов, которые могут быть превращены в информацию путем их анализа, выявления связей, вычленения наиболее важных фактов и их синтеза. Поэтому информация содержит больше ценности, чем данные. «Информация – это данные, преобразованные в значимую форму для их целесообразного использования» (2, с. 10). *Знание* – это результат познавательной деятельности, система приобретенных с ее помощью понятий о действительности.

Знанием может считаться только та информация, которая прошла ряд преобразований, зафиксирована и выражена в языке (звуковом, жестов, рисунка и проч.). Будучи идеальным отражением в знаковой форме социальной и природной действительности, знание является личностным человеческим феноменом и существует в субъективной форме. Информация же существует не только в субъективной форме (форме знания), но и объективно. Она отчуждена от непосредственного создателя и закреплена при помощи определенных материальных носителей.

2. Информация и документ: онтологические и гносеологические аспекты

Главным объектом рефлексии теоретиков библиотековедения и библиографоведения является *документ*. Многие годы изучение явлений, порожденных информационным процессом, сдерживала нерешенность вопроса об определении природы и сущности информации, функционирующей в социуме. Ранее этот вид информации называли социальной, сейчас наряду с ним используется термин «семантическая информация».

Исследование А.В. Соколова, посвященное обоснованию нового направления – *философии информации* (24), обнаружило двойственную материально-духовную природу информации. В рамках этого подхода была предложена емкая и лаконичная дефиниция через понятия смысла и знака: «Семантическая информация – амбивалентный феномен, выражающий духовные смыслы в коммуникабельной знаковой форме» (24, с. 251).

Феномен документа порождается развитием информационной коммуникации. Для воспроизведения момента первого появления документа требуется мысленный «возврат» во времена, когда возникали и смысл, и знак. Несомненно, что возникновение информации у человека было формой связи со средой обитания и определялось необходимостью адаптации к ней. Документ при этом выступал в качестве феномена естественной эволюции информационного процесса, инструмента сохранения семантической информации.

Анализ эволюции документной коммуникации предполагает обращение к исторической типологии культур. В книговедении и документоведении обычно ориентируются на хорошо наблюдаемые технологические особенности – рукописи, мануфактурное книгопечатание, машинную полиграфию, электронные документы. Но для анализа генезиса документа технологический подход недостаточен. В качестве первопричины появления документов того или иного типа правильнее видеть *изменения духовных*

потребностей общества. Насущная методологическая задача состоит в разработке культурно-исторической периодизации документогенеза.

А.В. Соколов использует для представления стадий развития документной коммуникации понятие *эпистемы*, введенное Мишелем Фуко (1926–1984) в его книге «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» (1966). Под эпистемой понимаются социальные структуры, детерминирующие возможные состояния сознания и культуры в конкретный исторический период. Применительно к эволюции документных коммуникаций целесообразно выделить несколько эпистем, отличающихся различным пониманием сущности документа и различным технологическим оснащением.

- *Духовная эпистема* (от изобретения письменности до распространения в Европе мануфактурного книгопечатания) соответствует стадии рукописной книжности. Изобретение письменности представляет собой не начало документогенеза, а начало нового этапа в истории социальной коммуникации – появление письменного документа. Возникновение книжного коммуникационного канала означало смену культурно-исторических эпох в развитии данного общества – переход от дописьменной (варварской) стадии к цивилизационной стадии рукописной книжности, открывшей людям пространство Духа.

- *Просветительская эпистема* характеризуется переходом от средневекового религиозцентризма к литературоцентризму. В этот период талантливые светские писатели и мыслители становятся властителями дум и признанными пророками своего общества. Просветительской эпистеме присуще развитие потоков не книжных документов, циркулирующих в различных социально-культурных областях (делопроизводство, юриспруденция, статистика, государственное управление, экономическая, производственная, техническая документация).

- *Массовая эпистема* (конец XIX – XX вв.) – это стадия индустриальной полиграфии, обеспечившая невиданные ранее тиражи

печатной продукции. В содержательном плане приходится к сожалению констатировать, что средства массовой коммуникации (пресса, кино, радиовещание, телевидение) пошли не по пути просвещения, одухотворения, облагораживания массовых аудиторий, а по пути предоставления им вульгарных и примитивных смыслов.

Информационная эпистема (с конца XX в.) – стадия электронной коммуникации, оперирующей электронными документами. Разработка эпистемологии электронного документа – дело будущего.

В качестве приближения к междисциплинарному определению документа А.В. Соколов предлагает использовать следующую формулировку: «Стабильный вещественный объект, искусственно созданный для использования в социальной смысловой коммуникации в качестве завершеного сообщения» (25, с. 8). В этом определении учтены следующие отличительные признаки документа: наличие смыслового содержания, стабильная вещественная форма, предназначенность для использования в качестве сообщения.

Таким образом, документ – это не просто материальный объект с зафиксированной на нем информацией, но также:

- форма организации и представления информации, посредством которой можно реализовать социальную или управленческую функцию, выполнить действие, процедуру, операцию;
- способ отражения и презентации социальной реальности, которой придается символическое значение первоисточника наиболее достоверной информации;
- символическая форма материализации, объективации действия.

Е.А. Плешкевич полагает, что сущность документа должна связываться с *документированием информации* как интеллектуальным информационным процессом. Документирование информации предусматривает не только создание документа в виде записи или регистрации семантической информации, но и процедуры включения его в информационно-

документальную систему, а также движение в ней вплоть до исключения из системы (15, с. 4).

Выделение информации в качестве объекта изучения, а документа как информационного объекта привело к формированию *междисциплинарного понимания* документа. А.И. Михайлов, А.И. Черный и Р.С. Гиляревский расширили понятие документа, включив в него не только носители вторичной информации – книги и рукописи, но и произведения искусств, нумизматические памятники, музейные экспонаты минерального, ботанического, зоологического или антропологического характера. Таким образом, документом может считаться любой материальный объект, который фиксирует или подтверждает какие-либо знания и может быть включен в определенные собрания. В этом контексте в фундаментальной монографии Г.Н. Швецово-Водки выделяется восемь значений понятия «документ». Документ IV – это материальный объект, в котором зафиксирована любая запись информации, выполненная любым разработанным человеком способом. Именно Документ IV в классификации автора «является тем значением понятия «документ», которое используется в библиотечном деле, в библиографической и научно-информационной деятельности, в архивном деле» (26, с. 21).

М.Я. Дворкина наиболее четко сформулировала *универсальный характер* понятия «документ». По ее мнению, «документ – общий объект библиотечной, библиографической и книготорговой деятельности, библиотековедения, документоведения, библиографоведения; документ как книга объединяет библиотековедение и книговедение; содержание документа – информация определяет отнесение библиотековедения к информационным наукам» (9, с. 39).

Рассуждая о проблеме соотнесения теоретических конструкций, построенных на подобном понимании документа, и библиотечно-библиографической практики, Е.А. Плешкевич полагает, что документные или информационные подходы, теории и концепции в «чистом виде»,

разработанные в информатике и философии, могут играть роль своеобразной «прелюдии» к собственно документально-информационным теориям и подходам. Для данного цикла документально-информационный подход должен включать автора, генерирующего информацию в виде сообщения и документирующего его, информационно-документальную систему, в рамках которой документ выполняет возложенные на него функции, читателя (потребитель, абонент), который идентифицирует его статус и декодирует (читает) его. «Если данному тезису придать вид схемы, то в самом общем плане он будет выглядеть следующим образом: Автор – Сообщение – Документ – Информационно-документальная система – Потребитель» (16, с. 7-8).

На протяжении веков под воздействием новых видов документов менялась библиотечная технология, но при этом сохранялась сама суть библиотечного процесса. Это дает основания полагать, что библиотека спокойно переживет и современный бум электронных документных технологий.

Недостаточность термина «библиография», традиционно использовавшегося для всех процессов обработки документов, стала осознаваться уже в конце XIX в. В начале 1920-х гг. для обозначения суммы технологий работы с документами в Европе окончательно утвердилось новое слово – «документация». Основатель науки о документе бельгийский ученый и общественный деятель П. Отле (1868-1944) считал, что документами являются не только письменные записи о тех или иных объектах, но и сами эти объекты.

«Новая версия» документоведения разрабатывается специалистами в области библиотечного дела и книговедения с начала 1990-х гг. По поводу наименования этой дисциплины до сих пор нет единого мнения. Используются такие названия как «Общее документоведение», «Нетрадиционное документоведение», «Документология». Импульсом к развитию этой науки, как представляется, послужил переход в

библиографоведении и книговедении от книговедческой концепции к документографической, при которой сложившееся в ходе длительной практики понятие «книга» было заменено на абстрактное для данных дисциплин понятие «документ».

3. Философия книги и книговедения

Со времен античности методологической основой осмысления документальной информации как явления служило исследование таких форм информации, как идея и знание. Исследования древнегреческих философов создали основу для осознания письма и его результатов как процедуры и результатов познания.

Социальной предпосылкой для развития гносеологической концепции книги, начиная с поздней античности и вплоть до Нового времени, стало развитие религий, опирающихся на книгу как на источник веры и знаний о мироустройстве. Позднеантичный культ книги под воздействием религиозных факторов стал культом в буквальном, отнюдь не метафизическом смысле слова – преклонением перед Библией как письменно фиксированным «словом Божиим» и перед алфавитом как вместилищем неизреченных тайн. В английском языке XVII–XVIII вв. за терминами «document», «documental», «documentary» закрепляются значения «учить», «инструктировать», «давать уроки», а также источники и первоисточники, по-видимому, тоже преимущественно в дидактическом контексте. При этом термином «documental» обозначали то, что относится к обучению и инструктированию, а для обозначения документов административно-управленческого и судебного характера использовались термины «instrument» и «record». Тем самым за термином «документ» сохранялось дидактико-доказательное значение.

Основателем советского книговедения стал М.Н. Куфаев (1888-1948), автор монографий «Проблемы философии книги» (1924) и «Книга в процессе общения» (1927). Он предложил не только научную концепцию

книги, но и ее глубокий художественный образ: «Первый вопрос философии книги, возникающий перед нами: какова природа и в чем сущность книги? Не мыслится ли исконный источник ее – Мысль и Слово – от века до века существующим? Вопрос большой и трудный. Однако во всяком случае несомненно, книга – продукт человеческой психики, и природа ее психическая. Сущность ее в Слове, и начало ее в Личности. «В начале было Слово и Слово было у Бога», а не человека, «и Слово было Бог», т.е. всё. Слово было предвечно и лишь во времени стало светом человечества... Когда выявило себя в жизни, «плоть приняв». Когда было зафиксировано глиною или камнем. Тогда Слово, продукт индивидуальный, через эманацию в материю, через воплощение в книге стало фактом социальным, долго не теряя своего мистического значения и нося в сознании людей печать своего откровенного происхождения. «Слово было у Бога»... Прометей похитил этот огонь с неба. Из слова родилась книга, как из головы Зевса рождена Афина (недаром некоторые сказания приписывают Прометею решение задачи – расколоть главу Зевса). И вот родилась Афина при содрогании неба и трепете земли, затмении солнца и кипении моря. Явилось книжное слово. Говорить так о книге – не значит утверждать спиритуализм и отрицать материализм. Наше положение подчеркивает всю важность интеллекта в творчестве книжном. Произнесение слова являет Личность, претворение же его в книгу являет соборность, потому что создание и завершение книги не принадлежит только личности, но личностям, духовной и материальной среде. Преодоление последней (в результате творчества книги) вскрывает стихийность побежденного хаоса, потому что организация (комбинация бумаги, шрифта, набор, тиснение, издание и пр.) вместо беспорядка знаменует победу соборной мысли над дисгармонией стихии... Таким образом, в природе книги два начала: индивидуальное и социальное» (12, с. 65).

Восхищенное отношение к книге как к явлению божественного порядка стали поводом для целенаправленной травли М.Н. Куфаева советскими

специалистами книжного дела в 1920–30-е гг. Его единодушно упрекали в идеализме, социально-мистических рассуждениях, церковно-поповской схоластике, в приверженности к идеям субъективных идеалистов В. Виндельбанда и Г. Риккерта, чью классификацию он использовал в одном из своих трудов. Естественно, что этот апофеоз книги вызвал идеологическую отповедь марксистов-обществоведов: «Книговедческие построения Куфаева приобрели печальную популярность, как жалкая потуга оправдать систему книговедения библейскими текстами и греческой мифологией. Теория Куфаева – идеалистическая разновидность эмпирического книговедения... Теория Куфаева – одна из многочисленных разновидностей реакционной буржуазной философии...» (8, с. 18).

По мнению М.Н. Куфаева, книговедение опирается на два уровня идеализации – философию книги и философию книговедения (библиологию). Философия книги должна проникнуть в сущность книги и привести в систему все действительное многообразие ее единичного и одностороннего проявления. «Единство идеи книги – единство самой книги, раскрывающейся в сменяющихся образах. В своем единстве мировой жизни книга несет свою миссию, осуществляет свою идею, решает свою задачу, кует свою судьбу (там же, с. 40).

Особый вклад М.Н. Куфаев внес в научную разработку сложной проблемы, связанной с определением таких базовых категорий, как книга и книжное дело. «Самое существенное состоит в том, что книга исследуется не сама по себе, как вещь, явление и т.п., не только как носительница мысли и слова и как специфическое явление материальной культуры. Ставится задача исследовать книгу, «существующую в целях общения людей». Эта задача и составляет специфику книговедческого исследования...» (там же, с. 53).

В послевоенные годы теоретическая не разработанность понятия книги привела к тому, что специалисты в области информатики, библиографии и библиотековедения предложили в качестве нового обобщающего понятия использовать понятие «документ». Вслед за библиографией

документационные понятия постепенно проникли в библиотековедение. Библиотека все больше начинала рассматриваться как учреждение, организующее доступ не к книгам, а к информации, т.е. к содержанию документов. Вождем терминологической революции в библиотековедении стал Ю.Н. Столяров. Он мотивировал необходимость терминологической замены косностью взглядов книговедов, не желающих расширять понятие «книга». На этом основании был сделан вывод, что «термин «книга» неадекватно отражает понятие, обозначающее библиотечный фонд как систему. Правильнее пользоваться терминами «источник информации», «документ»» (17, с. 10).

Для того, чтобы «документ» превратился в «книгу», на пути от коммуниканта к реципиенту нужна деятельность коммуникационных посредников, которая превращает документ исходный, созданный автором, в книгу и способствует ее поступлению к получателю информации. Рассматривая место книги в социальном коммуникационно-информационном процессе, можно дать такое определение. «Книга – это документ, создаваемый в результате деятельности коммуникационного посредника-1 (книгоиздательской или редакционно-издательской организации) и попадающий к получателю информации в результате деятельности коммуникационного посредника-2 (учреждений системы книгораспространения и книгоиспользования)» (26, с. 257-258). В отличие от любого исходного документа книга с самого начала, с момента ее создания, предназначена для неопределенного круга лиц или для абстрактного читателя (потребителя информации). Следовательно, книга по своей функциональной сущности является документом опубликованным, независимо от формы опубликования (издание или депонирование), особенностей материального носителя информации, знаковой системы ее передачи и канала ее восприятия человеком. Для превращения документа в книгу обязательной является деятельность коммуникационного посредника-1 и коммуникационного посредника-2. Поэтому итоговое определение книги

может иметь такой вид: «Книга – это документ опубликованный, изданный или депонированный, предоставляемый в общественное пользование через книжную торговлю и библиотеки» (там же, с. 258).

Важный для книговедения вопрос связан с разграничением электронной книги и электронной информации. Основными для признания электронного документа книгой являются два условия и соответствующих им признака. Первым является существование электронной книги в форме самостоятельного, пусть относительно, документа, произведения, обладающего индивидуальными поисковыми признаками. Вторым обязательным признаком электронной книги так же, как и традиционной, является стабильность ее содержания и статичность знаковой формы (14, с. 157). Сущность электронной книги раскрывается в следующем определении: «Электронное издание – самостоятельный законченный продукт, содержащий информацию, представленную в электронной форме, и предназначенный для длительного хранения и многократного использования неопределенным кругом пользователей, все копии (экземпляры) которого соответствуют оригиналу» (1, с. 20).

Нельзя не заметить, что некая принципиальная трудность связана с постановкой проблемы книжного значения. Герменевтически книга может трактоваться либо как пустая передающая среда, либо как текст. Причина подобной трудности коренится в том, что «книга (и прежде всего печатный кодекс) для европейца последних четырех столетий – неперемное условие восприятия социально значимого текста. Бытовое выражение «читать книгу» приобрело неправомерный научный статус» (10, с. 108).

Генеральное противоречие в системе «текст – книга» состоит в том, что *текст свободен, а книга ангажирована*. Свобода текста состоит в его непредсказуемости. Никто не может знать ни того, какие вопросы тексту будут заданы, ни того, как он сможет на них ответить в каждой конкретной ситуации. Поэтому текст свободен от автора, не знающего последующей судьбы своего создания. Но он свободен и от читателя, который

предшествующие осмысления текста знает несовершенно, а последующих не знает вовсе. Никакое чтение не может быть «присвоением» текста, чего так опасается постструктурализм. Каково будет смысловое завершение текста и будет ли оно адекватно его идее, зависит не от чьей-то отдельной воли, а от всех волей и всех энергий, с которыми текст встретится, то есть решается в социокультурной сфере.

Вполне возможно, что книга и текст распространяются в существенно различных средах. Среда распространения книги – это совокупность изолированных индивидов, действующих согласно целям и ожиданиям, детерминированным обстоятельствами. «Вследствие такого – дискретного – характера этой среды, издатель получает возможность рассчитать адресность и первоначальное действие выпускаемой в свет книги, а читатель – выбрать нужную ему книгу из наличного множества. Иными словами, среда распространения книги – это *общество*» (там же, с. 114). Среда распространения текста – это скорее анонимное смысловое пространство, в котором смысловые волны различных текстов и различных осмысляющих, накладываясь друг на друга, создают «интерференционные картины» – конкретные осмысления (каждое из которых имеет шанс стать новым текстом, воплотиться в книге, породить новую смысловую волну и т.д.). Взятая во временном аспекте, «эта смысловая среда предстанет как становящееся смысловое целое смысловых целей. Для такой реальности трудно подобрать более подходящий термин, чем *культура*» (там же, с. 114-115).

4. Методология библиографии. Библиографоведение как наука

Изначальные посылки для рассмотрения библиографии как объективной сферы посредством выделения не двух, а трех компонентов – книги, читателя и автора – содержатся в работах И.В. Владиславлева. Им были точно определены основные составляющие книжно-библиографической социальной коммуникации и характер взаимоотношений между ними. Речь

идет о докладе «Методология библиографии и теория диалектического материализма» на Втором Всероссийском библиографическом съезде в 1926 г. (5) Само название доклада свидетельствовало о том, что И.В. Владиславлев целенаправленно выбрал для обоснования значимости библиографии социально-философский контекст.

В дискуссии 1960-х гг. спор об определении понятия «библиография» и основных ее видов, начатый в связи с выходом в свет учебника «Общая библиография», вышел далеко за рамки формального терминологического обсуждения. В статье «Спорные вопросы теории библиографии и построения учебника «Общая библиография» (4) М.А. Брискман справедливо указывал, что классификация видов библиографии выражает понимание ее предмета, направления и задач, определяет разработку ее методики, оценку конкретных библиографических трудов и, наконец, наиболее целесообразную организацию библиографической деятельности.

Принципиальный интерес представляет вопрос *об изучении книги библиографом*. Мысль о том, что библиограф изучает совокупность литературы, а не просто каждую отдельную книгу, прекрасно выразил Л.Н. Троповский на Втором библиографическом съезде. Он подчеркивал, что специалист в противоположность библиографу не охватывает всего комплекса книг. Этот тезис получил продолжение в его докладе на Всесоюзном теоретическом совещании по вопросам библиотековедения и библиографии в 1936 г.: «Благодаря рассмотрению массы книг библиограф вырабатывает опыт, чутье, улавливает тенденции, устанавливает типичные явления. Библиограф находится на своеобразном посту, с которого многое видно и о многом можно сигнализировать при условии теоретической вооруженности и большевистской активности» (цит. по 20, с. 18).

Библиография – необходимый этап любой научной деятельности и неотъемлемая часть любой отрасли знания. Развитие библиографии определяется потребностями общества, закономерностями прогресса науки и техники. Этими же социально-культурными факторами определяются

творческие задачи ученых-исследователей, высококвалифицированных специалистов. Одной учетно-регистрационной библиографии для них недостаточно. Способствуя максимальной экономии времени и сил данной группы читателей, «для них необходимо создать указатели, в которых дается строго обоснованный, необходимый и достаточный подбор ценной в научном отношении литературы, независимо от вида издания и места публикации, и путем соответствующей организации библиографического материала, обеспечить быструю и всестороннюю ориентировку в этой литературе» (там же).

Теоретики библиографии 1960-70-х гг. были вынуждены идеологизировать библиографическую деятельность, поскольку, руководя чтением (или помогая чтению), библиограф сознательно рекомендует читателю именно ту книгу, которая будет способствовать формированию его мировоззрения. Но даже в наиболее простой ее форме – составлении информационного списка книг – библиограф имеет целью оповестить читателя о вышедших из печати произведениях. «Значит, как сложная, так и самая простая форма библиографической практики представляет собой целенаправленный процесс, выражающий взаимоотношения библиографа с читателями» (19, с. 9).

Для библиографа изучение книги в процессе составления библиографических пособий – не самоцель, а средство. С его помощью осуществляется основная задача библиографии – дать читателям полноценные сведения о литературе. Саму библиографическую практику следует трактовать не как составление указателей и обзоров литературы, а как их потребление. По своей сущности работа библиографа заключается не в пресловутом «изучении произведений печати», а в подготовке информации для читателей, в пропаганде книг среди читателей. Для читателей важно не то, как изучал книгу библиограф, а «чтобы информация о книге была своевременной, точной и правильно раскрывала содержание произведений

печати. Так состоит дело с сущностью библиографической практики» (там же, с. 11).

М.Г. Вохрышева в статье 1984 г. отмечает, что значение вопросов методологии в библиографической литературе начали осознавать еще в 1920-е гг. В 1980-е гг. попытки преодоления трудностей методологического раздела библиографической науки «активизируются в связи с развитием методологических исследований в философии, логике, науковедении и конкретных науках» (6, с. 10). Автор ставит задачей показать, что библиографоведение располагает своим научным методом, который имеет общенаучный характер.

Сущность этого метода заключается «в исследовании степени изученности проблемы, отраженной в различных формах фиксирования информации. Библиографический метод определяет структуру познавательной деятельности, направляя применение в ней библиографических средств на получение содержательного знания о предмете» (там же, с. 12). Поскольку научная информация зафиксирована главным образом в документах, то исследование степени изученности научной проблемы осуществляется в реальной науке через ориентацию в этих документах библиографическими средствами – путем использования и параллельного создания источников библиографической информации. Таким образом, библиографическая ориентация выступает своеобразным *методом разграничения сфер изученного и неизученного*.

Чтобы претендовать на общенаучность, библиографический метод должен отвечать еще одному требованию – способствовать приращению знаний в других науках. Тезис о том, что библиографический метод – одно из необходимых средств получения нового знания, не нуждается в особых доказательствах. Он позволяет ученым использовать источники, непреходящие по своему значению. Применение уже имеющихся знаний является закономерностью развития науки. Движение к будущему, особенно в гуманитарном знании не однонаправленно, а опосредовано обращением к

прошлому, которое постоянно актуализируется настоящим. Библиографический метод базируется на единстве исторического и логического подходов. Он предполагает оценку документов в контексте эпохи в связи с их ролью в современном им обществе, помогает исследователю обосновать необходимость изучения данной проблемы, раскрыть ее проблемное окружение. Таким образом, библиографический метод имеет ряд характеристик, которые «свидетельствуют о его общенаучности: общепризнанность базового понятия, наличие библиографического аспекта во всех областях научной деятельности, распространенность метода во всех науках, интегративность» (там же, с. 14).

Острую полемику вызвало появление в 1975 г. книги О.П. Коршунова «Библиография: теория, методология, методика» (11). Результатом монографического исследования стало более точное определение общей теории библиографии. Коршунов подчеркивает: «Теория библиографии призвана выяснять общие закономерности, принципы, задачи, составляющие теоретическую основу тех правил и методических рекомендаций, которыми руководствуются библиографы в практической деятельности» (11, с. 130).

Известная статья 1998 г. И.Л. Полотовской и Ю.А. Шрейдера посвящена сопоставлению понятий «документ» и «объект библиографирования», т.е. прояснению тех оснований, которые с точки зрения библиографов делают убедительной подверженность документов процедуре библиографирования. Трудно сказать, какие именно документы станут объектами библиографирования в будущем, однако мы в состоянии теоретически обосновать, какие свойства документов сделают их таковыми. И это отнюдь не абстрактная задача. Наблюдаемое увеличение разнообразия документов, в том числе безбумажных (машиночитаемых), размывание границ библиотечного и информационного обслуживания подталкивает к выявлению новых видов документов. Необходимо рассмотреть содержание понятия «объект библиографирования», т.е. те свойства, которые «делают» документы таким объектом.

Исследователи пришли к выводу о том, что свойство документа быть объектом библиографирования не связано с характеристиками издания. Оно не определяется ни способом создания, ни материальной формой. Единичный документ нельзя подвергнуть анализу, позволяющему определить, подлежит он библиографированию или нет. Для выявления этого свойства надо исследовать «особенности общественного использования документа» (18, с. 31).

Таким образом, искомое свойство документа не атрибутивно. Оно не определяется самим документом или процессом его производства, а возникает в связи с общественными отношениями, в которые вступает документ. Библиографическое описание явно выражает свойство *автодемонстрационности*: оно есть та самая часть документа (книги, грампластинки и т.д.), которая удостоверяет его тождественность самому себе (там же, с. 32).

И.Л. Полотовская и Ю.А. Шрейдер предлагают считать неперенным свойством документа способность *удостоверять некую реальность*. В качестве общего принципа «предлагаем следующую формулировку искомого принципа: удостоверить (с помощью библиографического описания) можно лишь документы, которые несут в самих себе признаки самодостаточности или самоидентичности, т.е. являются автодемонстрационными» (там же, с. 34).

В публикации 1998 г. Ю.А. Шрейдер указывает на общую «философско-научную неточность», присущую библиографическим исследованиям. Все парадигмы, которые предлагались в библиографии, не выводились из объективного исследования научного процесса, но формулировались как обязательные программы. «Мы находим серьезные аргументы в пользу того, что библиографические парадигмы, фигурирующие в острых баталиях и ставшие источником раздора между библиографами, представляют собой не факты истории науки, но содержание коллективной рефлексии библиографов. Тем самым речь идет не о парадигмах в смысле

Т. Куна, а о некоторой мифологии или эпосе библиографов» (27, с. 49). Таким образом, это не парадигмы, выведенные из объективного исследования библиографии как науки, но проекты парадигмы – представления видных и авторитетных ученых-библиографов о том, какой должна быть эта парадигма.

Автор защищает следующий тезис: «Единство библиографии определяется единством ее объекта, а попытки сформулировать ту или иную парадигму – разными выделениями предмета библиографии» (там же, с. 50). Попытка выяснить, в какой мере библиография представляет собой науку, естественно упирается в проблему характеристики библиографического знания, т.е. знания, получаемого в ходе библиографической деятельности (составления библиографических описаний и исследования методики такого составления). Если акцент ставится на природе знания, то правомерно рассматривать библиографию в рамках когнитивной парадигмы. Если же акцентируется способ представления этого знания, то не менее естественно рассматривать информационную парадигму. В ней процесс составления библиографических описаний (библиографирование) рассматривается в первую очередь с точки зрения результата – получения одного из видов социальной информации (там же).

По мнению директора Библиотеки РАН в Санкт-Петербурге В.П. Леонова, конституирование библиографии как науки затруднено тем, что «в академической среде преградой к равному диалогу служит давно и прочно закрепившееся в ней мнение о том, что книговедение, библиотековедение и библиографоведение не относятся и не могут быть отнесены к числу полноправных академических наук. Им отводят роль прикладных дисциплин, не заслуживающих собственного места в научном пространстве» (13, с. 23).

В то же время работа библиографа сродни работе философа. «Библиограф размышляет над проблемами, которые не имеют однозначного решения. Он вытягивает из знания, воплощенного в книге, все новые и

новые нити» для своего ковра, заведомо зная, что их никогда не будет достаточно. Странное, на непосвященный взгляд, занятие... Но, вплетая нити в ковер мира знаний, библиограф сохраняет и расширяет его, не давая ему быть поглощенным Хаосом, царящим за его пределами. Он без устали заботится о том, чтобы пространство мира знаний было доступным, проходимым и обитаемым, выступая в роли проводника и посредника» (там же, с. 127).

Одна из причин отсутствия в последнее время конструктивных книговедческих и библиографических теорий видится В.П. Леонову в том, что «современные исследователи работают не с библиографическими и книговедческими идеями, а с научными понятиями и терминами (такими как система, деятельность, моделирование, документ и т.д.). По этому пути в направлениях поиска соответствующих теорий движется большинство ученых. В результате создаются понятийные концепции науки. В библиографии, например, их уже около 400. Такой подход построения научной теории изначально обречен на неудачу. Я убежден, что книговедение может успешно развиваться в том случае, если опираться на книговедческие теории и книговедческие понятия. Теория не может строиться только на основе научных терминов, хотя и обязана их использовать. К понятийному аппарату нельзя относиться так, как будто он существует реально» (там же, с. 128).

В условиях повсеместного распространения компьютеров средства традиционного библиографирования иногда кажутся несколько архаичными. Порой представляется, что в библиографических базах данных (электронных каталогах) документы уместнее было бы представлять на более современном языке. Но попытки изменить традиционную форму библиографической информации лишают пользователей существенных удобств. Поэтому сегодня в автоматизированных системах используются обычные библиографические описания. Они нужны для того, чтобы документы представляли собой не хаотическую совокупность, но организованную

систему. Иначе говоря, библиографический учет вносит необходимую упорядоченность в информационную среду.

5. Библиотечная философия. Российский библиотечно-библиографический социальный институт

А.В. Соколов полагает, что «место библиотечно-библиографической профессии в обществе будущего, как ни странно, зависит от ответа на вопрос «что такое информация?» (22, с. 6). Современная терминология библиотечного дела и библиографии перегружена «информационными» терминами с неопределенным или обыденным пониманием информации (информация как сведения, сообщения, новости, данные). Надо осознать, что «обыденный язык – ненадежная основа для построения научной терминологической системы, поэтому получают распространение нелепые понятия, дезориентирующие библиотечно-библиографическую мысль» (там же, с. 125). Анализируя информационные процессы в информационном обществе, необходимо уточнить, какая информация имеется в виду: машинная в системе «человек – машина» или смысловая в системе «человек – человек», или оба типа информации, или ее другие типы? Для технократов-интеллектуалов информация – это электрический сигнал, гуманистически ориентированные ученые, педагоги, литераторы оценивают сущность информации с точки зрения ее содержания, смысла, а не материального оформления.

Проблематика методологии библиографии и философии библиотечного дела погружена в более глубокий, поистине цивилизационный контекст. «Трагедия состоит в том, что нравственно ограниченные специалисты создали средства для самоуничтожения цивилизации и самого человечества, а гуманные гуманитарии не в состоянии даже осознать смертоносные угрозы, не говоря о том, чтобы эффективно им противостоять» (23, с. 110). Очевидно, что главная причина утраты способности общения физиков и лириков, невозможности достижения взаимопонимания между ними

заключается в несовместимости их языков мышления и коммуникации. Ее стимулировало распространение в западноевропейской науке позитивистского мировоззрения. Согласно О. Конту, основное правило положительного мышления формулировалось так: «Всякое предложение, которое недоступно точному превращению в простое изъяснение частного или общего факта, не может представлять никакого реального и понятного смысла». Это означало, что «чистое воображение теряет безвозвратно свое былое первенство в области мысли и неизбежно подчиняется наблюдению». Источником познания объявляются эмпирически наблюдаемые факты (цит. по 23, с. 110).

Информационный подход распространился в научном познании, когда, отталкиваясь от обыденной трактовки информации, исследователи подводили под информацию схожие явления. В результате стихийного терминотворчества появились десятки частнонаучных трактовок информации, приспособленных к нуждам физиологии, психологии, социологии и других частных наук. Важно подчеркнуть, что при этом информационные сущности не открывались заново в результате исследования, а информацией «назывались» уже известные явления, свойства, процессы. Как пронизательно заметил Р.С. Гиляревский, «слово «информация» стало настолько модным, что многие явления и процессы в природе, обществе и мышлении при самой отдаленной схожести с информацией называются ее именем. А это, в свою очередь, порождает много заблуждений технократического толка» (7, с. 19). Подобный стихийный информационный подход – не случайное поветрие в общественном сознании, а привлекательный эпистемологический инструмент. Означает ли «информатизация мира», что информация приобретает вещественность и объективность, свойственные речи, книге, изумрудному колье? Разумеется, нет, информация не существует вне информационного подхода. Установка на анализ именно информационного среза действительности означает, что «информационный подход первичен,

информация вторична» (21, с. 100). Главная особенность информационной эпистемологии состоит в том, что исследователь не открывает информацию в реальном мире, как открываются звезды или микробы, ибо информационный подход не оптический прибор. Исследователь всего лишь называет информацией те объекты или явления, которые кажутся ему соответствующими этому названию.

Стихийное распространение информационного подхода в естественных и общественных науках, начавшееся в 1960-70-е гг., несомненно обогащало их понятийно-терминологический словарь и расширяло методологический арсенал. Однако в силу стихийности, в этом процессе не обеспечивалась корректность информационного подхода. Главный методологический недостаток заключался в том, что *информация априори принималась в качестве объекта реальной действительности*. Говоря философским языком, происходила онтологизация понятия информации. Сигналы, импульсы, рефлексy, тексты, речь, жесты, изображения назывались аудиовизуальной, буквенно-цифровой, текстовой, речевой информацией. «Некорректность заключалась в том, что вместо нового знания о предметах реального мира, вводились в оборот новые имена давно известных предметов» (там же, с. 101), вследствие чего информация становилась фантомом, призраком, двойником каких-то оригиналов, а не самостоятельным объектом реальной действительности. Некорректный информационный подход практиковали философские концепции информации: атрибутивная концепция отождествляла информацию и отражение в качестве атрибутов материи; функциональные концепции отождествляли информацию и сигнал (поскольку оба представляют собой единство материальной формы и идеального содержания), антропоцентристские концепции отождествили информацию и знание.

Условием корректности информационного подхода является понимание исследователем первичности информационного подхода и вторичности информации. Нужно исходить не из презумпции объективного

существования информации, а из методологического подхода к изучению объективной реальности. Информация появляется только в том случае, если берется на вооружение методология информационного подхода, по этой причине информация не существует вне информационного подхода, как скорость не существует вне движения. Оправданием общенаучного распространения (некорректного и корректного) информационного подхода является то, что этот эпистемологический инструмент выполняет практически полезные и познавательные функции:

- номинативная функция, когда слово «информация» используется в качестве имени реальных вещей, в рамках произвольной операции именования;
- использование информации как количественной меры (предложение К. Шеннона);
- конструктивная функция – для практической реализации информационных систем и технологий;
- описательно-объяснительная функция, объяснения неизвестного через неизвестное;
- моделирующая функция, осуществляемая посредством компьютерного моделирования и вычислительного эксперимента;
- мистификационная функция – для построения псевдонаучных учений теологического толка.

Проблема «библиотека и информация» возникла в СССР в 1960-е гг. в связи с определением места и роли библиотек в эпоху научно-технической революции. Наряду с традиционной библиотечно-библиографической системой, которая в советских условиях руководствовалась в своей деятельности принципом партийности, была выстроена параллельная структура по информационному обслуживанию ученых и специалистов – Государственная система научно-технической информации (ГСНТИ).

В середине 1960-х гг. в Советском Союзе возникла теория научно-информационной деятельности, получившая название «информатика».

Фундаментальные работы сотрудников ВИНТИ АН СССР А.И. Михайлова, А.И. Черного и Р.С. Гиляревского «Основы научной информации» (1965) и «Основы информатики» (1968) произвели на специалистов огромное впечатление. Книги выделялись из общего ряда своим высоким академическим уровнем, логичностью изложения, терминологической строгостью, новизной проблематики, а также невиданной по тем временам идеологической раскованностью. В то же время возникновение информатики закрепило ее обособление от библиотечного мира. Специалисты-информатики провозглашали, что библиотеки и органы информации – это два качественно различных института современного общества, созданные для удовлетворения различных его потребностей.

Сегодня противостояние научно-информационного и библиотечного сообществ осталось в прошлом. Но обе подсистемы социальных коммуникаций столкнулись с новым вызовом, связанным с утратой гуманистических ориентиров деятельности. Технократические концепции информационного общества нацелены на внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) во всех области общественной жизни. В связи с этим главная задача библиотеки или информационного центра видится в использовании ИКТ для оперативного и экономически приемлемого преодоления пространственных барьеров между пользователями и территориально распределенным мировым библиотечно-информационным ресурсом. При таком подходе не учитываются релевантность (содержательное соответствие запросу) выдаваемых источников информации, а также способность пользователя понять и практически использовать полученные документы. Психолого-педагогические смысловые контакты библиотекаря и пользователя вообще исключаются, поскольку они ограничивают свободу доступа последнего к информации и документам.

Отличительным признаком информационного общества является электронная коммуникация. Книжная коммуникация должна либо уступить

ей свое место, либо научиться сосуществовать с ней. Ключевое значение здесь будет иметь поиск оптимальной формы сосуществования – конкуренция, диалог или обособление. Это одна из фундаментальных проблем современного библиотековедения и библиографоведения, которую предстоит решать.

Судьба библиотек в грядущем информационном обществе зависит от самих библиотекарей. Трудно не согласиться с точкой зрения А.В. Соколова, согласно которой сохранение в информационном обществе российского библиотечно-библиографического социального института «будет определяться гуманистической миссией библиотек, осуществляемой библиотекарями-гуманистами» (23, с. 399).

Литература

1. Антопольский А.Б., Вигурский К.В. Электронные издания: проблемы и решения // Межотраслевая информ. служба. – М., 1998. – № 1. – С. 18-25.
2. Баева Л.В. Понятие информации в современной науке // Проблемы становления информационного общества. – Астрахань, 2008. – С. 5-19.
3. Берестова Т.Ф. Документ: методологические основания изучения, предыстория возникновения, сущность и явление // Науч. и техн. б-ки. – М., 2011. – № 10. – С. 42-54.
4. Брискман М.А. Спорные вопросы теории библиографии и построения учебника «Общая библиография» // Сов. библиография. – М., 1960. – № 3 (61). – С. 78-95.
5. Владиславлев И.В. Методология библиографии и теория диалектического материализма // Труды II Всероссийского библиографического съезда. – М., 1929. – С. 19-37.
6. Вохрышева М.Г. Обоснование библиографического метода как общенаучного // Сов. библиография. – М., 1984. – № 3. – С. 9-15.

7. Гиляревский Р.С. Информационная культура в высшей школе // Науч.-техн. информация. Сер. 1. Организация и методика информ. работы / ВИНТИ. – М., 2007. – № 2. – С. 18-22.
8. Гречихин А.А. Слово о М.Н. Куфаеве // Куфаев М.Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. – М.: Наука, 2004. – С. 15-60.
9. Дворкина М.Я. И вновь об объекте и предмете библиотековедения // Библиотековедение. – М., 2005. – № 4. – С. 37-40.
10. Зубков Н.Н. Смысл и книга // Теория литературы. – М., 2011. – Т. 2: Произведение. – С. 107-125.
11. Коршунов О.П. Библиография: теория, методология, методика. – М.: Книга, 1986. – 287 с.
12. Куфаев М.Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. – М.: Наука, 2004. – 192 с.
13. Леонов В.П. *Vésame tucho*: Путешествие в мир книги, библиографии и библиофильства. – М.: Наука, 2008. – 268 с.
14. Моргенштерн И.Г. Динамика и статика книги (Стабильность содержания как атрибут книги) // Книга: Исследования и материалы. – М., 2002. – Сб. 80. – С. 147-161.
15. Плешкевич Е.А. Документоведение в контексте постнеклассического развития современной науки // Науч.-техн. информация. Сер. 1. Организация и методика информ. работы / ВИНТИ. – М., 2011. – № 7. – С. 1-5.
16. Плешкевич Е.А. Проблемы эволюции теоретических положений в дисциплинах документально-информационного цикла (обзор) // Науч.-техн. информация. Сер. 1. Организация и методика информ. работы / ВИНТИ. – М., 2009. – № 7. – С. 1-11.
17. Плешкевич Е.А. Формирование научных концепций о документальных формах информации. Гносеологическая и управленческая концепции документа // Науч.-техн. информация. Сер. 1. Организация и методика информ. работы / ВИНТИ. – М., 2010. – № 12. – С. 1-21.

18. Полотовская И.Л., Шрейдер Ю.А. Будущее наступает сегодня: (Документ как объект библиографирования) // Сов. библиография. – М., 1998. – № 1. – С. 28-34.
19. Решетинский И.И., Николаев В.А. Некоторые спорные вопросы теории библиографии // Сов. библиография. – М., 1960. – № 5 (63). – С. 3-16.
20. Смирнова Б.А. О теории рекомендательной библиографии // Сов. библиография. – М., 1960. – № 5 (63). – С. 17-29.
21. Соколов А.В. Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. – СПб.: Алетейя, 2012. – 352 с.
22. Соколов А.В. Науки об информации и библиотекарь: проф.-мировоззр. пособие. – М.: Литера, 2010. – 144 с.
23. Соколов А.В. Российские библиотеки в информационном обществе: проф.-мировоззр. пособие. – М.: Литера, 2012. – 400 с.
24. Соколов А.В. Философия информации: проф.-мировоззр. учеб. пособие / С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. – СПб.: СПбГУКИ, 2010. – 368 с.
25. Соколов А.В. Эпистемология документа (методологический очерк) // Науч.-техн. информация. Сер. 2. Информ. процессы и системы / ВИНТИ. – М., 2009. – № 3. – С. 1-12.
26. Швецова-Водка Г.Н. Общая теория документа и книги: учеб. пособие. – М.: Рыбари; Киев: Знання, 2009. – 487 с.
27. Шрейдер Ю.А. Библиография – объект интереса и предмет познания // Библиография. – М., 1998. – № 2. – С. 48-56.